

Федеральное агентство по образованию
Омский государственный педагогический университет
Сибирский региональный вузовский центр
по фольклору на базе ОмГПУ
Фольклорная комиссия вузов России

Народная культура Сибири

*Материалы XVIII научного семинара-симпозиума
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

Омск 2009

Тут *нос* – опять-таки «цензурная» замена непристойного наименования иного органа, а слово *поисъ*, – диалектная огласовка глагола *поестъ*, где [κ] > [i] между мягкими [j] и [sʹ], а [sʹ] > [sʹ] в позиции конца слова – одно из проявлений обычного для зауральских говоров упрощения групп [st], [sʹtʹ], [zd], [zʹdʹ]. (В записи В. П. Бахматова написано *e* и *ст*, но рифма с несомненностью обнаруживает диалектную огласовку глагола.)

Подъём жизненного уровня советского народа в середине 50-х – середине 70-х гг. наши тогдашние диссиденты характеризовали как хотя и медленный, но реальный, а потому и обеспечивающий устойчивость политического режима. Похоже, они были правы. В первой половине 70-х, когда для трудящихся ещё была проблемой покунка «Жигулей», в карманы партийно-бюрократической верхушки обильным потоком хлынули нефtedоллары, а это породило позыв к настоящему обогащению, которое бы не сдерживалось идеологической уздой. Итог известен: рост благосостояния народа прекратился, режим коммунистической идеологии рухнул, а советская специфическая буржуазия превратилась в тривиальную. «Жигули» ржавеют в гаражах бывших *добрых мужиков* из числа рабочих и колхозников, а престижными мужчинами стали, как выразился один сельчанин, *те, кто пошестисотей* (от «Мерседеса» 600-й модели).

Т. И. Рожкова

Приемы структурирования прозы в тексте современного народного автора

В настоящее время архив лаборатории народной культуры Магнитогорского госуниверситета формирует коллекцию текстов народного письма. Каждая единица хранения интересна по-своему, но по объему уникальным остается материал Г. И. Костина¹ (1931 г. р.). Над своей родословной книгой Григорий Иванович трудится с 70-х гг. XX в. Архив автора включает: подготовительные материалы, рукопись книги «Корни и отростки древа Костинных (за прошедшие 345 лет)» в нескольких тетрадях, вариант текста, на-

бранный на машинке. По просьбе автора, студенты филологического факультета приняли участие в подготовке к печати первой книги из предполагаемых трех для близкого круга семьи Костиных. Проблемы будущего научного издания решаются сложно, мы стремимся использовать это время для бесед с автором по тексту его сочинения.

Исторические рамки семейной истории (конец XVII–XX вв.), заявленный жанр сочинения сделали принципиальным вопрос изучения структуры столь объемного текста. Фактологическую основу книги составил уникальный материал. В 1958 г. под стропилами крыши старого родительского дома семья Костиных обнаружила спрятанный дневник предков, записи в котором велись с 1735 г. Утрата дневника в наводнение 1966 г. в г. Новокузнецке заставила Григория Ивановича заняться писательством, восстановить все по памяти. Сочинительство захватило, а в тетрадях Григорий Иванович записал следующее: *«Заговорили из глубины веков голоса великих людей рода Костиных, голос души моих предков, передавая нам, потомкам, из уст в уста 300 лет»* (тетрадь 3, лист 3).

Начал вести семейные записи Ефим Епифанович (1717–1792 гг.), продолжил Иван Ефимович (1747–1813 гг.), до 1847 г. довел дневник прадед Ефим Иванович. Писал дед Костина, Епифан Ефимович (умер в 1935 г.). Отец дневника не продолжал: *«Он только записал вот последнее "6 июля 1935 года схоронил отца"». Это отец записал крупными буквами, печатными. И все, больше записей не было»* (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). По рассказам родственников, главным образом по рассказам мамы Анны Андреевны (1892 г. р.), восстанавливал Костин Григорий Иванович семейные события, а с 1936 г. *«сам писал. Тут уже я помню, как Колюшка родился и Шуру схоронили, старшей сестры дочь.... У меня вот память начала, как Колюшка родился. Пять лет мне было»* (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). В тексте книги Костина отсылки к утраченному дневнику встречаются часто. *«Писанину ведут»* старшие мужчины семьи, записывают *«прощальные наказы»*, цифры собранного урожая, даты рождения и смерти, подробности хозяйственного благополучия.

Дневник предков обеспечил первый уровень структурирования текста – записи семейных событий выстроены по годам. *«И вот как читал этот дневник, у них года были указаны там. Елифан родился тогда-то, умер тогда-то, кто сколько прожил»*; *«Они как бы передавали имена, кто где служил, кто когда где умер. В основном, когда хороший урожай, вот они записывали и хорошие годы, неурожайные годы писали. Все по годам»* (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). Погодный принцип срабатывал сложно на первых страницах книги, отдельные годы пропускались. Личный опыт жизни Григория Ивановича не всегда позволял ему прописать со всей полнотой жизнь его предков. И не удивительно! Родоначальник рода Костя-хромой был призван на стрелецкую службу в Пушкарный полк в 1688 г., во время Крымского похода получил увечие ноги, а по возвращению – дворовую кличку *«хромой»*. В 1689 г. родился его сын – Елифан. По семейному преданию, Елифан Константинович Костин из Полтавского сражения также вернулся инвалидом, но в награду за победу получил от царя Петра серебряный рубль, свободу от крепостного права и земельный надел в три десятины на солдатской слободе села Дорогощи Грайворонского уезда Белгородской губернии.

Беседа с автором помогла выяснить и другие причины пропусков годовых записей. Некоторые страницы дневника настолько выцвели, что прочитать их не удалось. При переводе рукописного материала в машинопись, а автор делал это самостоятельно, текст перерабатывался и зачастую сокращался: *«Я, наверно, когда начал печатать... А в тетрадях наверно есть... Я просто начал сокращать. Печатаю, печатаю, надоест. Я сокращаю»* (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). Таким образом, машинописный текст следует считать вариантом книги. В рукописных тетрадях нам удалось обнаружить достаточно значимые для характеристики народного письма фрагменты, которые необходимо будет представить в качестве приложения к основному тексту книги.

Сам характер записей в дневнике предшественников отличается от письма Г. И. Костина. Поводом соответствующих пометок были события мужской биографии рода (*«если по ранению кто пришел, умер»*), учитывались в дневнике убытки и прибав-

ления в хозяйстве, помещались расчеты, цифры собранного урожая, планы новых посевов, наблюдения за погодой. Следовательно, писательская индивидуальность Костина проявилась в выстраивании внутригодового круга событий. В истории семьи предпочтение отдается двум темам: Костины – защитники отечества и Костины – крестьяне-земледельцы. Размышления о крестьянской судьбе и труде вошли в книгу и не были сокращены при перепечатывании: *«А на крестьянине вся Россия держится. Кто наше Отечество защищает от неприятеля? А почету как по черту! ... Крестьянский труд, его ни в какие времена не ценили, а хлебушка с маслицем и с мяском борщ все едят, а на крестьянина все косо, с недоверием глядят»* (1767 г.). Однако писательская манера Костина вызвала у его первых читателей критические замечания: *«Повторяешься! Ну, посева, как год проходит, ведь это повторяется»*; *«Одна дочитала, она соседка по саду. Также она говорит, ну, ты повторяешься много»* (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). Знакомое и повторяемое – составило содержание семейных событий каждого года, смешало изображение прошлого и настоящего, не позволило выписать характеры.

В основе годового круга событий в семье лежит народный календарь. Мы попросили автора перечислить круг праздников, структурирующих время его книги. Получилось следующее: *«Рождество. Крещение, потом Встретье идет, мать родилась Потом Масляница. Пост Великий. Потом Благовещенье... Потом Пасха, потом Епифанов день в мае месяце, Никола майская. Никола есть декабрьская, есть майская. Потом Троица. Потом Петров день, Иван Купала. Петр и Навел – на час день убавил, а Илья пророк на два часа день уволок, 2 августа. Потом идут первый Спас, 15 августа. Первый – медовый, второй – яблочный Спас, это где-то 19, а 27 августа – это ореховый или хлебный спас. Третий Спас прошел, бери шубу про запас. В поле же работали! И вот в сентябре было Сдвиженье. Змеи выдвигались на зимовку, и шуба с зипуном сдвигалась. Крестьяне называли это. Потом идет день Покрова. Покройся, говорят, земля снежком, а невеста женишком. Раньше, как говорится... Раньше торопились, это сейчас, как го-*

ворится, пошло... Вот Михайлов день. Вот доживу если до 11 года. Я одиннадцатого числа родился 11 месяца и 11 год. Два года, как говориться, вытерпеть бы мне. Снова Рождество, Новый год» (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). Так как плотность письма в приближении к нашему времени возрастает, становится очевидней жесткая устойчивость в изображении пространства и времени, становится заметнее повышенная стереотипность высказываний нашего сочинителя.

Ритм и образная система колядки общерусского типа вычитываются в начальных фрагментах каждого нового года: *«Встретили новый 1767 год. Пожелали всем счастья, здоровья, прощение о старых грехах. Чтобы в новом доме все жили дружно и счастливо, при хорошем здоровье. Чтобы жилось, пилось, елось, всем трудиться хотелось! Чтобы скотинка на дворе водилась, урожай рос чтоб обильный, и в закромах было избытие ржи, пшеницы, овса и проса! Чтоб все росло в огороде: картошка, капуста и репка! Чтоб семья наша была здорова и крепка! Чтобы рос чеснок и лук! Чтобы не было в нашей большой семье раздору и мук!»* (1767 г.). Все версии описания праздников сводятся к ожидаемым высказываниям. Слово автора основано на сложившейся традиции народных примет. В качестве примера проведем описания разных лет одного и того же праздника: *«2 февраля Встретенье 1846 года: зима с летом встречаются. Вечер покажет. Ветер с Москвы, знать зима еще продержится. Солнце пригреет, лето победит с весной»* (1846 г.); *«Пришло Сретенье: зима с летом повстречались. Кто из них победит – весна скажет»* (1867 г.); *«Встретенье было холодное -- весна затянется»* (1861 г.). Праздник Троицы: *«Отвели праздник святую Троицу. На этой неделе прошли хорошие дожди, значит, хлеба уродятся хорошие»* (1801 г.); *«На святую Троицу похмарило, но дождя не было, но жара спала. На неделе дождички пойдут – переживали мужики кормильцы в семье»* (1860 г.); *«На святую Троицу дождик хороший пролил, радость крестьян»* (1861 г.); *«На Троицу святую ночью пролил такой дождик - лужи стояли!»* (1878 г.).

Повторяемость на всех уровнях текста утомляет современного читателя, предпочитающего в художественном тексте новизну и неожиданность. В то время как для нашего сочинителя повторы поддерживают ценностные установки его мировоззрения. Мы наблюдаем устойчивый характер описания крестьянского труда: осеннего, весеннего, женского, мужского, детского («*скосили рожь, повязали снопы, вывезли домой на гумно, обмолотили, убрали солому и зерно*»; «*косят, вяжут снопы, суслоны ставят, возят домой снопы, молотят, веют, убирают солому и зерно*»; «*бабы куделю прядут и шерсть, кто носки или рукавицы вяжет*»; «*бабы молча делали свои дела у печки, за пряхой, прядя куделю*»; «*женщины варят, готовят, пекут хлеб, доят коров, поят телят*», «*всех обedom кормить, убирать в доме, куделю прядь*» и т. д.). Ориентированность письменной речи Костина на повторы разного рода, повышенная стереотипность свидетельствуют о фольклорном характере слова народного автора, фольклорном восприятии мира и его ценностей. И это при том, что работая над своей родословной, Г. И. Костин обращался к книгам: к историческим сочинениям Ключевского, Соловьева, военным мемуарам. Григорий Иванович любит читать и перечитывать Горького, Шукшина, Достоевского и др. Сам автор так комментировал потребность своего обращения к книге: «*Как надумаю какие-то годы. Мысли там набираются у них опыта. Это история советского крестьянства. У меня пять томов. И три тома у меня, это исторических, как Европа организовалась, скандинавы там все эти, шведы там и немцы и кельты и каких только!*» (материал беседы с автором от 10 октября 2009 г.). От романного письма автор решительно отказывается: «*Ну, да какой там роман? Просто родословная. Ну, как работали, пахали, женились, сеяли, убирали. С моей практики*» (материал беседы с автором, июнь 2009 г.).

Примечания

¹ Костин Григорий Иванович 1931 г. р., п. Павловский Алтайского края. Русский, православный. Образование начальное. В Магнитогорске проживает с 1991 г.